Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата ответил на вопросы журнала «Фома» («Фома», № 6 за 2009 год)

- Владыка, в светской прессе о Вас часто говорят как о «восходящей звезде Русской Церкви». Теперь, может быть, уместнее было бы говорить о «взошедшей» звезде. Как Вы к этому относитесь? Применима ли вообще категория «карьеры» в разговоре о церковном служении?

- Такое понятие, как «церковная карьера», конечно же, существует. Однако либо такую карьеру можно намеренно строить, либо она складывается как-то сама. Вот в моем случае она сложилась сама: без всякого моего усилия. И произошло это, прежде всего, благодаря одному человеку - Святейшему Патриарху Кириллу.

Сам я никогда не планировал делать церковную карьеру. Когда принимал монашество в 1987 году, видел для себя два направления деятельности. Первое - служить алтарю. Второе - заниматься богословием. Для меня это были две большие любви. Именно по этим направлениям моя жизнь развивалась после пострига. Я служил священником и параллельно занимался церковной наукой: изучал древние языки, писал книги, потом учился в Оксфорде, где работал над диссертацией. И предполагал так и продолжать.

Но в 1995 году меня пригласил к сотрудничеству митрополит Кирилл, председатель ОВЦС. Он увидел мое будущее совсем по-другому и сразу сказал мне: «Вы должны сочетать научную и пастырскую деятельность с работой по линии внешних церковных связей». С этого момента я начал работать с Владыкой. Приходилось сочетать все три направления. Причем работа в ОВЦС требовала полной отдачи и занимала все основное время. Довольно долго я жил так, словно проживал два дня в сутки. У меня был полный рабочий день в ОВЦС: приходил к девяти утра и уходил в семь вечера. Потом приезжал домой, и там у меня начинался еще один рабочий день - свой собственный, когда я писал книги. Так я жил несколько лет. Но однажды, когда мы летели в самолете с митрополитом Кириллом, он сказал: «Я хотел бы, чтобы вы были епископом». Это стало для меня полной неожиданностью, потому что в такой перспективе я свою жизнь никогда не рассматривал. Вскоре Владыка Кирилл представил меня Святейшему Патриарху Алексию II в качестве кандидата на епископское служение. И в 2002 году состоялась моя хиротония.

Последнее звено в этой цепи - день сегодняшний: назначение на пост председателя ОВЦС, по

инициативе теперь уже Патриарха Кирилла. Фактически он трижды радикальным образом изменил мою жизнь и определил ту самую «церковную карьеру», о которой Вы спрашиваете. Ни один карьерный поворот не был инициирован мною.

- Значит, церковное служение -- такой же постепенный путь восхождения, как и в светском мире? Разницы нет?

- Разница есть, и принципиальная. В светском мире карьера - это цель. А в Церкви цель - служить Богу. И, мне кажется, огромную ошибку совершает тот, кто становится на путь церковного служения для того, чтобы сделать карьеру. У большинства таких людей на самом деле ничего не получается. Они остаются на том уровне, который кажется им ниже их достоинства и возможностей, и всю жизнь от этого страдают. А в итоге человек остается нереализованным.

- А почему так происходит?

- Дело в том, что церковное служение вообще не предполагает каких-то карьерных устремлений. Это служение всегда связано с абсолютной самоотдачей и... полным послушанием. У меня, например, сейчас достаточно высокое положение в Церкви. Но я нахожусь в полном послушании Святейшему Патриарху. Думаю, у меня сейчас гораздо меньше свободы, чем было несколько лет назад, когда я служил в Вене и мог совершенно свободно распоряжаться своим временем, совмещая архипастырское служение с работой над книгами и музыкальными произведениями. Сегодня я своим временем не распоряжаюсь вообще: степень моей подчиненности стала гораздо более сильной. И в этом -- парадокс церковного служения: чем выше положение того или иного лица в Церкви, тем меньше он принадлежит самому себе, тем более аскетичной и в каком-то смысле жертвенной должна становиться его жизнь. На вершине этой пирамиды стоит Святейший Патриарх, в жизни которого, как он сам сказал при интронизации, нет вообще ничего личного, а вся его жизнь всецело принадлежит Церкви.

- Как теперь, после назначения на высокий пост, будет складываться Ваша композиторская деятельность?

- Не думаю, что Святейший Патриарх будет поощрять появление моих новых произведений. Хотя он с большой теплотой отзывается о моих уже написанных произведениях и присутствовал вместе с почившим Святейшим Патриархом Алексием на исполнении «Страстей по Матфею» в Большом зале консерватории. Но Патриарх Кирилл неоднократно говорил мне, что моя основная задача -- это церковно-административное послушание. И, конечно же, я с этим полностью согласен. В том

числе внутренне, для себя: у меня нет в этом плане никаких противоречий. Я в первую очередь священнослужитель, а потом уже все остальное.

Кроме того, здесь есть еще один личный момент. Я никогда не писал музыку на постоянной основе. Когда учился в консерватории, был обязан сочинять произведения, но давалось мне это с трудом -- приходилось что-то из себя выдавливать. Минуты настоящего вдохновения случались редко -- раз в полгода.

Когда я вступил на монашескую стезю, в первую очередь отказался от музыки. Причем без каких-либо внутренних колебаний. И двадцать лет я вообще ничего не сочинял, да и потребности такой не испытывал. Но в какой-то момент она возникла. И был период (неполные два года), когда я довольно интенсивно писал музыку. Интенсивно -- не в плане времени, потраченного на эту работу, а в плане количества написанного. По сравнению с консерваторией здесь все было с точностью до наоборот. Муза посещала меня неожиданно, захватывала целиком, и иногда я едва справлялся с потоком тех музыкальных тем, которые приходили голову. Так, например, появилась «Рождественская оратория»: я гулял по берегу Темзы после рабочего дня и вдруг практически в готовом виде услышал в голове хор «Слава в вышних Богу».

Но вскоре музыкальные темы приходить перестали -- так же неожиданно, как когда-то начали. По моим ощущениям, на сегодняшний день этот период сочинительства закончился. Конечно, если вдохновение меня посетит (а это может произойти где угодно, даже в самолете), тогда я найду несколько минут, чтобы записать пришедшую в голову музыкальную тему. Но не исключено, что как я двадцать лет музыку не писал, так еще двадцать лет писать не буду.

- Что Вам дала учеба в Оксфорде -- как человеку, как священнослужителю?

- Во-первых, я хорошо изучил английский язык, что, по сути, дало мне возможность много служить за границей. Во-вторых, в Оксфорде я освоил то, что называется научным методом: принципы самостоятельной работы с источником, поиска научной темы и ее раскрытия. В наших семинариях в тот период этому не учили.

Но самым важным для моего формирования как православного богослова и человека было пребывание в инославной среде, где необходимо защищать собственную веру перед лицом людей, принадлежащих к совершенно иным традициям. Это оттачивает мышление и помогает взглянуть на свою собственную традицию по-иному - в смысле ее более глубоко осознания на фоне тех вызовов, которые могут быть ей поставлены извне. Ведь, живя в православной среде, мы чаще

всего воспринимаем православную традицию как данность и не ставим перед собой те вопросы, которые могут возникать у людей внешних при встрече с Православием. В Оксфорде я учился находить ответы на такие неожиданные вопросы из логики человека другой культуры.

- Например?

- Я писал диссертацию на тему «Симеон Новый Богослов и православное предание». Симеон Новый Богослов - автор, мало изученный на Западе. Но стереотипным является мнение, что он - своего рода мистик почти протестантского склада, который жил в конфликте с Церковью и противопоставлял свое личное вдохновенное, мистическое видение узкому церковному традиционализму и догматике. Такой взгляд на преподобного Симеона кочевал из одной статьи в другую. Особенно на этом поприще потрудился византолог Александр Каждан. Долгое время он работал в СССР, а в конце 70-х эмигрировал на Запад, но довольно успешно применял советские атеистические штампы, которыми оперировал в Советском Союзе. И статья Каждана о Симеоне Новом Богослове в «Оксфордском словаре Византии» выдержана именно в таком ключе. Я поставил целью доказать, что Симеон Новый Богослов был абсолютно православным человеком. Изучать такую научную проблематику в России было бы бессмысленно, ибо здесь никто не сомневается, что преподобный Симеон -- великий православный святой. А вот на Западе существовало устойчивое мнение о нем как о «протестанте в Православии». И я решил проследить корни всех основных идей Симеона Нового Богослова и показать, что он глубоко укоренен в Священном Писании, в православном богослужении, в святоотеческой традиции. Что ряд идей он унаследовал от своего духовного отца Симеона Студита, что значительное влияние на него оказал Григорий Богослов. В Оксфорде такая работа представляла серьезный научный интерес. И это стало для меня важной школой: как осмысливать собственную традицию пред лицом людей, к ней не принадлежащих.

- Есть мнение, что Православие становится все более или более «популярным» на Западе. Вы с этим согласны?

- То, что существует некий повсеместный интерес к Православию среди западных европейцев, - это миф. Православие ассоциируют с Достоевским, с церковным пением и иконами. В Англии в любом крупном англиканском храме висят иконы, написанные в русском или византийском стиле. Несмотря на то, что англиканская традиция изначально была иконоборческой. Фактически православная икона без каких-то особых миссионерских усилий с нашей стороны проторила себе путь в протестантские общины и заняла там прочное место. Однако сказать, что толпы людей на Западе осаждают наши храмы, я не могу. Интерес к Православию, во-первых, не массовый, во-вторых, чаще всего культурный. Случаев обращения в Православие на Западе не так много. Но

все-таки они есть. И есть люди, воспитанные в иных традициях, которые открывают для себя Православие как истину и красоту.

- А надо ли, с Вашей точки зрения, более активно свидетельствовать о Православии на Западе?

- Конечно, мы должны свидетельствовать о Православии, в том числе на богословском уровне. Именно в этом цель нашего регулярного участия в разного рода межхристианских и межрелигиозных встречах и конференциях. Однако, с моей точки зрения, иконы, церковное пение и вообще литургическая составляющая -- это как раз то, что свидетельствует о Православии лучше любых слов и не требует никаких специальных доказательств.

- В ОВЦС создан секретариат по делам дальнего зарубежья. Чем он будет заниматься?

- Работой с соотечественниками, которые живут в дальнем зарубежье и желают сохранить связь с Русской Православной Церквью и через нее с той великой, многонациональной цивилизацией, которую мы называем Святой Русью. Конечно, в определенной степени эта работа осуществляется каждым нашим зарубежным приходом. Но мы сейчас планируем выходить за рамки приходов - организовывать встречи и конгрессы соотечественников, оказывать помощь в том, чтобы они приезжали сюда и чтобы их дети не забывали родной язык. Это целая новая сфера, которая сейчас возложена на ОВЦС.

- А что будет происходить с межправославным диалогом?

-- Сегодня это направление для ОВЦС - приоритетное. В наше время, после того как мы пережили распад огромного государства, принципиально важным является сохранение единства народов, которые сформировались под влиянием русской православной традиции. Речь идет в первую очередь о странах СНГ. Эти народы сейчас разделены политическими границами; на уровне правительств нередко создаются сложные конфликтные ситуации. И мы не должны позволить политическим обстоятельствам разрушить наше духовное единство, которое созидалось на протяжении тысячи лет. В начале июля Святейший Патриарх начнет посещение глав Поместных Православных Церквей в соответствии с диптихом. Но для Патриарха это не просто протокольные поездки -- каждую поездку он будет использовать для укрепления личного контакта с главой Поместной Церкви. А ОВЦС будет ему в этом помогать. На своем уровне я тоже осуществляю поездки по Православным Церквам -- и для обсуждения существующих проблем, и для подготовки визитов Патриарха.

- О чем будут говорить Святейший Патриарх Кирилл с Патриархом Константинопольским Варфоломеем?

- Отчасти тема их разговора будет зависеть от того, чем закончится Всеправославное совещание в Швейцарии в первой половине июня. Оно будет посвящено теме диаспоры. По этому вопросу мы серьезно расходимся с Константинополем. Существуют страны православной традиции, в каждой из которых есть своя Православная Церковь. Все, что находится за границами этих традиционных православных стран, называется диаспорой. По мнению Константинопольского Патриарха, вся диаспора должна входить в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Эта идея появилась в 20-х годах и с тех пор регулярно озвучивается представителями Константинополя на различных межправославных и других совещаниях. Московский Патриархат не находит ни в канонах древней Церкви, ни в ее практике оснований для того, чтобы Константинопольский Патриархат окормлял всю диаспору. Но главное для нас в том, что окормление диаспоры - это пастырский вопрос. И здесь требуется понимание того, что русские люди за границей идут в русский православный храм не просто потому, что он православный, но именно потому, что он - русский. Они хотят слышать богослужение и проповедь на родном языке. В храме они встречают своих соотечественников. Храм для них - это островок родины. В Европе, Америке и Австралии сложилась ситуация, когда в одной и той же стране параллельно существует несколько православных диаспор -- со своей системой приходов, со своим епископом. На сегодняшний день Константинопольский Патриархат пытается упорядочить эту ситуацию путем создания епископских собраний, в которых главенствующую роль играл бы иерарх Константинопольской Церкви. Мы не возражаем против таких собраний как таковых, но настаиваем, что они могут носить только консультативно-координационный характер. Иными словами, иерарх Русской Православной Церкви не может находиться в подчинении у иерарха Константинопольского Патриархата, потому что подчиняется только своему Священному Синоду.

Трудно сказать, чем закончится это Всеправославное совещание. Наша задача -- достичь такой договоренности, которая устроила бы всех. Но гарантии, что она будет достигнута, к сожалению, никто дать не может.

- Вы семь лет возглавляли представительство Русской Правосалвной Церкви при международных организациях в Брюсселе. Насколько Церковь может реально влиять на происходящие в Европе процессы? Не остается ли ее присутствие чисто номинальным?

- На этот вопрос у меня нет однозначного ответа. Ежегодно президент Еврокомиссии встречается с религиозными лидерами, и я всегда участвовал в таких встречах. Для этого выделяется целый день. Приглашаются пятнадцать религиозных лидеров от разных христианских конфессий - католики, православные, протестанты, а также мусульмане, иудеи и иногда буддисты. Каждому дается по несколько минут на выступление. Всех внимательно выслушивают, все протоколируется. Потом все обедают, делают общий снимок... и расходятся на год.

Такие встречи, конечно, приятны и полезны. Здесь озвучиваются важные вещи. Но насколько они влияют на ход работы Еврокомиссии -- не знаю. Думаю, что какие-то мысли бывают услышаны. Однако в проекте Европейской конституции была заложена идея систематического диалога между ЕС и религиозными конфессиями. Приходится признать, что до воплощения этой идеи в жизнь еще очень далеко.

- А что сегодня, с Вашей точки зрения, должна делать Церковь перед лицом секулярной Европы?

- Церковь должна искать союзников в деле защиты традиционных ценностей. Попытка выстроить общий фронт в противостоянии натиску воинствующего секуляризма -- это один из основных аспектов межхристианского и межрелигиозного диалога. Здесь очень многое могут сделать вместе православные и католики и даже, в определенной степени, христиане и мусульмане. Семья, деторождение, право всех людей на жизнь, в том числе еще не родившихся, -- в этих вопросах позиции традиционных конфессий достаточно близки.

Совместные усилия различных религий здесь возможны еще и потому, что наша полемика с секулярным гуманизмом в основе своей носит отнюдь не богословский характер. Ведь мы спорим не о том, есть Бог или нет. Мы спорим о том, каково место человека в мире и каково будущее человеческого сообщества. Потому что от этого зависят ответы на вопросы нравственного характера, а от ответов на эти вопросы зависит сегодня само выживание целых народов. Например, в основе демографического кризиса, который охватил все страны Запада, лежит как раз отказ от традиционного понимания семьи. А такое понимание базируется прежде всего на религиозной парадигме.

- Складывается впечатление, что Церковь сегодня только и делает, что призывает «отказаться от...», старается «не допустить», блокирует какие-то общественные инициативы -- словом, стоит на защите традиционных ценностей, но не предлагает никакой позитивной программы...

- Думаю, это ошибочное представление. Конечно, Церковь всегда какие-то вещи блокирует и призывает чего-то не допускать. Речь идет о той области, которую мы называем грехом. В современном секулярном сознании есть понятие преступления, но нет понятия греха - как преступления человека против своей совести и против абсолютной нравственной нормы. И в борьбе с проявлениями греха, а главное - с его легализацией и оправданием Церковь всегда была строга и таковой останется.

Однако у Церкви есть и позитивная программа. И на протяжении двух тысяч лет она не меняется: это - спасение людей. А спасение людей заключается в том, чтобы помочь им осознать смысл жизни -- прийти к Богу и жить в Боге. Это и есть единственная (и самая главная!) позитивная программа Церкви. Ведь люди, живущие в самых разных социальных условиях, иногда просто не осознают цели своего существования. И внешне благополучный, хорошо обеспеченный человек может совершенно не понимать, зачем он живет. И от этой бесцельности он внутренне погибает, причем дело может дойти до самоубийства. Ведь сейчас часто кончают с собой не те люди, у которых что-то в жизни не складывается, а как раз наоборот - те, у которых все хорошо. Не случайно количество самоубийств велико в тех странах, где высок уровень жизни. И в такой ситуации то, что может предложить человеку Церковь, не предложит больше никто.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/59009/